

ный и мучительный процесс, как свидетельствует об этом множество исторических примеров. Так, византийцам в XI—XII вв. не удалось расселить в качестве постоянных поселенцев в Южной и Средней Македонии пленные орды печенегов, а затем половцев, а тем более заставить их заниматься земледельческим трудом. Протоболгары действительно скоро, через век-полтора, стали оседлым населением под давлением обстоятельств и под влиянием славян, но, осев, они перестали быть тюрками, растворились в славянской среде.

Эзериты и милинги на Пелопоннесе были подчинены в IX в., после их неудачного восстания, но смирились они только после того, как византийский полководец сжег урожай их полей на корню⁸. Если бы они занялись агрикультурой лишь недавно, под влиянием местного населения, обладая до этого высокими навыками в основном в иного рода деятельности (например, в охоте на горах Тайгета или в пастушестве там же), вряд ли гибель своих посевов была воспринята славянами как катастрофа.

Упомяну лишь мельком о том, что и лингвисты не находят оправдания сохранению в науке старого тезиса об исконном кочевничестве славян. Ф. Малингудис показал, что древнейший пласт славянской лексики свидетельствует о славянах как о земледельческом народе; микротопонимия Пелопоннеса, восходящая к славянам, поселившимся здесь в конце VI—VII в., говорит о том же⁹. Представляется интересным вывод греческого ученого, что уровень славянской агротехники и земледельческого инвентаря отнюдь не всегда уступал провинциальному византийскому: во всяком случае, вполне вероятно, что какой-то вид славянской бороны был заимствован (вместе с самим этим понятием) местными греками¹⁰.

Конечно, в целом уровень ранневизантийской агрикультуры был несопоставим со славянским. По данным «Чудес св. Димитрия», славяне в своих набегах на землю империи в VII в. уносили в качестве добычи также сельскохозяйственные орудия¹¹: преимущества этих орудий, следовательно, были очевидны и для славян, но они забирали их, разумеется, не для того, чтобы «перековать в мечи», а чтобы использовать по назначению.

Было бы слишком долго и излишне (нужно попросту обратиться к соответствующим публикациям) сослаться на результаты раскопок археологов; здесь выводы, основанные на обильных материалах раскопок, как правило, вполне определены: селища славян конца VI—VII в. — неизменно земледельческие поселения. Укажу лишь на раскопки 1970-х годов в Южной Добрудже, где обнаружено славянское поселение начала VII в., которое по множеству находок земледельческих орудий и других атрибутов земледельческого быта археологи определили как важный центр сельскохозяйственного производства в течение всего существования Первого Болгарского царства¹².

⁸ *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio* / Ed. Gy. Moravcsik, R. H. Jenkins. Wash., 1967. P. 234.43. Ср. о славянах на Пелопоннесе: *Литвин Г. Г.* Из комментария к 49-й главе труда Константина Багрянородного «Об управлении империей» // *BYZANTINA*. 1985. Т. 13. P. 1349—1353; *Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, пер., коммент.* М., 1989. С. 427—440.

⁹ *Mal'ngoudis Ph.* Toponymy and History: Observations concerning the Slavonic Toponymy of the Peloponnese // *Cyrrillomethodianum. Thessaloniki*, 1983. Т. VII. P. 99—111; ср.: *Дуриданов И.* Заселяването на славяните в Горна Мизия по даните на топонимията // *Славянска филология*. С., 1983. Т. 17. P. 223—230.

¹⁰ *Малингудис Ф.* Славяно-греческий симбиоз в Византии в свете топонимии // *ВВ*. 1987. Т. 48. С. 44—52.

¹¹ *Lemerle P.* Les plus anciens recueils. . . 1. P. 185.35—36, 198.

¹² *Michailov S., Dončeva-Petkova L., Topanov D.* Fouilles archéologiques près du village Odarci, département de Tolboukine (Bulgarie) au cours des années 1971—1977 (partie orientale) // *Slavia antiqua*. 1980. Vol. XXVII. P. 119—171; *Въжарова Ж.*